

P. J. Watson. *Archaeological Ethnography in Western Iran*. Tucson, 1979. 327 pp.

Необычайно усилившиеся в условиях научно-технической революции процессы дифференциации и интеграции наук привели на протяжении последних десятилетий к формированию многочисленных направлений, возникших на стыках родственных, а порой даже и неродственных наук. Не остался в стороне от этого и гуманитарные науки. Одним из таких новых направлений здесь стала этноархеология. Ее теоретические основы были впервые сформулированы в середине 50-х годов в статье, одним из авторов которой являлась П. Дж. Уотсон¹, вскоре попытавшаяся применить изложенные принципы на практике. Будучи членом комплексной американо-иранской археологической экспедиции, возглавлявшейся Р. Брейдвудом и Э. Негахбаном, П. Дж. Уотсон вела в 1959—1960 гг. полевые работы в нескольких поселках, расположенных в горах Загроса в Западном Иране на границе Курдистана и Луристана. Исследования имели целенаправленный этноархеологический характер, и поэтому, прежде чем перейти к анализу их результатов, необходимо хотя бы вкратце остановиться на том, что же такое этноархеология.

Надо сразу заметить, что термин «этноархеология» и вкладываемое в него содержание пока что не получили всеобщего признания. Наряду с этим термином применяются и такие, как «археология действия» (action archaeology), «живая археология» (living archaeology), «археоэтнография» (archaeoethnography), «этнографическая археология» (ethnographic archaeology). В зависимости от вкладываемого в них содержания в работах одних специалистов они применяются в качестве синонимов, в работах других — рассматриваются в порядке иерархической соподчиненности. Так, если большинство исследователей понимают под этноархеологией выяснение связей, существующих между поведением современных людей и его отражением в материальных (археологических) остатках, то Р. Гоулд, например, в одной из своих работ характеризует таким образом лишь «живую археологию» и ее синоним «археологию действия». В этноархеологическом подходе он видит создание более широкой базы для сравнения этнографических и археологических материалов². Вместе с тем в более поздней своей работе он практически отождествляет этноархеологию с «живой археологией», заявляя, что этноархеология — это «этнографическое изучение процесса возникновения отбросов в результате человеческой деятельности»³. Интересно, что и П. Дж. Уотсон в рецензируемой монографии предпочитает термин «этноархеология» выдвинутому ею же первоначально термину «археология действия». Характеризуя предпосылки этноархеологического подхода, она замечает: «...для решения проблем культурной эволюции и системных изменений археологи должны использовать знание существующих поведенческих коррелятов (т. е. соответствующих видов поведения.— В. Ш.) для археологических или материальных остатков» (с. 1). То же понимание этноархеологии проявляют и авторы двух вышедших недавно сборников, специально посвященных этой проблеме⁴. Таким образом, большинство исследователей понимают под этноархеологией изучение связей между поведением современных людей, представителей самых разных этносов, в том числе и отставших в своем развитии, и материальным выражением этого поведения. По мнению этноархеологов, установление закономерностей в структуре такого рода связей способно помочь решению задач реконструкции образа жизни и поведения первобытного человека по археологическим остаткам его деятельности.

По-видимому, именно это узкое определение и закрепится в будущем за термином «этноархеология». Оно адекватно отражает содержание и задачи этого направления в науке, призванного прежде всего усовершенствовать методы получения, обработки и интерпретации археологического материала. Более широкое понимание этноархеологии как метода реконструкции первобытной истории с помощью комплексного применения данных археологии и этнографии менее удачно, так как такая реконструкция представляется качественно иным видом синтеза, требующим, кроме того, привлечения и данных ряда других наук (лингвистики, антропологии и т. д.).

Во введении к рецензируемой монографии П. Дж. Уотсон дает краткий, но весьма содержательный обзор современного состояния исследований по этноархеологии, указывает на основные проблемы, стоящие перед ними, и трудности в их разрешении. Говоря о последних, она пишет: «Мы можем понять прошлое, лишь зная процессы и события, совершающиеся в настоящем. Однако это не означает, например, что любая черта прошлого должна иметь аналог в настоящем. Напротив, многие из компонентов человеческой

¹ M. R. Kleindienst, P. J. Watson. *Action Archaeology: the Archaeological Inventory of a Living Community*. — «Anthropology Tomorrow», v. 5, 1956, p. 75—78.

² R. A. Gould. *Ethnoarchaeology; or, where do models come from?* — «Stone Tools as Cultural Markers: Change, Evolution and Complexity». Canberra—New Jersey, 1977, p. 162.

³ R. A. Gould. *Beyond analogy in ethnoarchaeology*. — «Explorations in Ethnoarchaeology». Albuquerque, 1978, p. 259.

⁴ «Explorations in Ethnoarchaeology»; «Ethnoarchaeology». N. Y., 1979.

культуры в современных этнографических материалах, по-видимому, уже не представлены. Однако основные этнологические и социологические законы не изменились по меньшей мере за последние 40 тыс. лет, и если мы достаточно полно их знаем, мы должны суметь предугадать наличие в прошлом таких культурных форм, которые ныне в мире отсутствуют» (с. 1). Вторая половина приведенной цитаты требует пояснения, ибо, как известно, законы бывают разной степени всеобщности и многие социологические законы действуют лишь в рамках определенных социально-экономических формаций. Для П. Дж. Уотсон такой проблемы не существует, так как она фактически отождествляет закон со структурой и структурными связями, солидаризируясь с традицией, восходящей к функционализму⁵. Структурный подход имеет большое значение в практике этноархеологов и представляется полезным. Однако использование его без учета конкретного исторического контекста способно увлечь исследователя на путь модернизации. К чести этноархеологов, многие из них это понимают и стараются привлекать в своей работе письменные и этноисторические источники. Об изменении сельской культуры под влиянием города пишет и сама П. Дж. Уотсон (с. 8, 31).

Исследование П. Дж. Уотсон интересно в особенности тем, что оно было одной из первых попыток применения этноархеологического метода на практике. Однако, вопреки утверждению автора (с. 7), оно не являлось самой первой такой попыткой. Началом практического применения этноархеологического метода, правда, не увязанного еще с теорией, следует считать полевые работы Д. Томсона, попытавшегося под влиянием идеи Дж. Г. Д. Кларка проследить связь материальной культуры современных австралийских аборигенов с изменением их образа жизни в течение годового хозяйственного цикла⁶.

Целью американо-иранской экспедиции было изучение перехода древнего населения Передней Азии к производящему хозяйству и развитию там неолитических общин. В задачу П. Дж. Уотсон входило выявление таких особенностей поведения людей и материальной культуры в нескольких крестьянских общинах Ирана, которые, будучи увязаны с археологическим материалом, могли бы пролить свет на первобытное прошлое изучаемых районов. П. Дж. Уотсон работала в трех поселках: в земледельческо-скотоводческой общине Хасанабад, населенной лурами, находившимися под сильным влиянием курдской культуры; в курдской общине Ширдашт, жители которой занимались главным образом яйлажным скотоводством; в курдском земледельческо-скотоводческом поселке Айн Али. Основные работы проводились в Хасанабаде в ноябре 1959 — феврале 1960 гг. и в марте — июне 1960 г. В Ширдаште исследовательница провела больше двух недель, в Айн Али — 10 дней. В связи с напряженной обстановкой в Хасанабаде, вызванной затяжными неурожаями, П. Уотсон не могла жить в самом поселке и активно участвовать в жизни его обитателей. Поэтому главными методами исследования служили наблюдение, опрос, фотографирование и в некоторой степени участие в хозяйственной деятельности обитателей поселка.

Материалы, полученные в ходе исследования, и выводы сгруппированы автором в двух основных частях монографии. Главное содержание книги представляет первая часть (278 стр.), содержащая подробное описание хозяйства и материальной культуры и в гораздо меньшей степени — социальной структуры и духовных представлений населения трех поселков (но в основном Хасанабада). Второй части отведено весьма скромное место (всего 9 стр.), хотя именно здесь исследовательница затрагивает основной вопрос этноархеологии — связь поведения с материальной культурой.

В первой части подробно описываются природная обстановка, основные направления хозяйства и их соотношение, детали производственных процессов, характер годового хозяйственного цикла, структура поселков и отдельных домохозяйств, архитектура, предметы быта и орудия труда. Описания удачно дополняются многочисленными фотографиями и рисунками предметов материальной культуры и технологических процессов, а также планами жилищ. В текст включены весьма информативные статистические таблицы, характеризующие структуру народонаселения и некоторые демографические процессы (рождаемость и смертность), родственные и брачные связи, торговлю, материальное благосостояние жителей, внутреннее убранство домов и т. д. В ряде случаев специально подчеркиваются факты, интересные археологам. Так, автор обращает внимание на особенности процесса накопления мусора на свалках, отмечает, что пищевые отходы поедаются собаками, курами и индюками, и указывает на отсутствие четкой стратиграфии-мусорных куч, так как их часто ворошат и переворачивают (с. 37—39). Интересны и данные о том, что полы в жилых комнатах обмазывают белой глиной, как и 8 тыс. лет назад, причем богачи обмазывают полы заново раз в год (с. 120, 121). К сожалению, подобного рода замечания автора отрывочны, никак не сгруппированы и не обобщены. Кроме того, зачастую эти наблюдения не доведены до конца. Так, автор, к сожалению, не уделяет специального внимания такой важной для археологов проблеме, как определение соотношения разных видов хозяйства по материальным остаткам. Между тем возможности для такого исследования у автора, обследовавшего, с одной сторо-

⁵ Об этом см. В. А. Шнирельман. Методы использования этнографических данных для реконструкции первобытной истории в зарубежной науке. — «Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества». М., 1979, с. 140

⁶ D. F. Thomson. The seasonal factor in human culture illustrated from the life of a contemporary nomadic group. — «Proceedings of the Prehistoric Society». Cambridge, v. 5, 1939, p. 209—221.

ны, сельскохозяйственно-скотоводческий поселок Хасанабад, а с другой — скотоводческо-земледельческий Ширдашт, имелись. Некоторые материалы для решения этой проблемы содержатся в рецензируемой монографии. Однако они также не обобщены и не проанализированы должным образом. Другой важной проблемой, почти не затронутой автором (вскользь об этом упоминается на с. 244, 263), является характер отражения в материальной культуре этнической специфики. Здесь могло бы помочь более полное сопоставление данных о лугах Хасанабада и курдах Ширдашта и Айн Али.

В целом, опубликовав весьма ценную сводку данных о материальной культуре нескольких иранских поселков, П. Уотсон, к сожалению, чрезвычайно мало внимания уделила их этноархеологической интерпретации. Поэтому остается не совсем ясным, чем ее работа принципиально отличается от описания материальной культуры, принятого в традиционной этнографии. И здесь автору не помогают бесконечные отступления и экскурсы в прошлое с целью показать истоки тех или иных элементов культуры и определить с помощью археологических данных их хронологические рамки, хотя сами по себе сообщаемые автором сведения такого рода представляют несомненный интерес, впрочем в большей мере для этнографов, чем для археологов.

Таким образом, приведя многочисленные материалы, способные помочь в интерпретации археологических комплексов, исследовательница далеко не полностью использовала свои возможности. Это особенно ярко проявилось во второй части книги, где под этноархеологическим углом зрения рассматриваются такие проблемы, как палеодемографические реконструкции, расчеты пищевого баланса, функциональное назначение отдельных помещений, пространственное разграничение различных форм жизнедеятельности. Некоторые из содержащихся здесь выводов представляют несомненный интерес, например о том, что количество обитателей дома в большей мере коррелируется с площадью жилых комнат, чем с площадью всего домохозяйства. Зато последняя может характеризовать степень зажиточности хозяев (с. 291, 292).

Вместе с тем не все выводы автора могут быть безоговорочно использованы археологами. Некоторые из них требуют дополнительной проверки с привлечением более широкого круга источников. Так, по данным П. Дж. Уотсон, в каждой жилой комнате имелся только один очаг и обитала только одна семья, состоявшая в среднем из 4—5 человек. Подавляющее большинство домохозяйств принадлежало отдельным малым семьям. Исходя из этих данных, П. Дж. Уотсон в одной из своих статей пришла к небеспорному выводу о том, что в Передней Азии в VI тысячелетии до н. э. основной хозяйственной единицей также была малая семья⁷. Однако более позднее исследование другого курдского поселка Шахабада обнаружило иную картину. Там, во-первых, преобладали большесемейные коллективы и домохозяйства состояли из нескольких малых семей, а, во-вторых, количество очагов в комнатах порой было связано не с количеством малых семей, а с богатством домохозяйства (с количеством пищи, приготавливаемой одновременно). Колебание размеров малых семей от 2 до 9 человек свидетельствовало и об относительности демографических подсчетов, произведенных на основании архитектурных обмеров⁸. Следует ли археологам исходить из данных о Хасанабаде, предпочесть им материалы Шахабада или избрать какой-либо третий подход — вот вопрос, имеющий первостепенное значение для этноархеологов⁹. Очевидно, ответ на него связан с более строгим обращением этноархеологов с историческими источниками, со строгим соблюдением ими принципа историзма, на что уже указывалось выше.

Работа П. Дж. Уотсон интересна и в том плане, что по ней хорошо видно, как одно и то же общество дает материалы, в разной степени подходящие для реконструкции разных аспектов первобытной культуры. Так, опубликованные исследовательницей данные о хозяйстве и технологии производства, безусловно, могут и должны использоваться при интерпретации археологических материалов. Однако социальные отношения и религиозные представления крестьян, сильно трансформированные феодальными пережитками и исламом, в гораздо меньшей степени могут служить для реконструкции первобытной жизни. Не случайно П. Дж. Уотсон в своей работе отвела им весьма скромное место.

Вообще, по мнению некоторых специалистов, любое общество, в том числе и развитое современное, может служить объектом этноархеологического исследования. С этим мнением нельзя не согласиться, оговорив, однако, что наиболее полноценные результаты способны дать все же исследование, проведенное в обществе, отставших в своем развитии. Общества австралийцев, бушменов, эскимосов, папуасов и т. д., вне всякого сомнения, дадут этноархеологу гораздо больше, чем современный промышленный город, и главным образом потому, что в них модели поведения не вообще увязаны с материальной культурой, а увязаны именно с первобытной материальной культурой. Огромную

⁷ P. J. Watson. Architectural differentiation in some Near Eastern communities, prehistoric and contemporary. — «Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating», N. Y., 1978, p. 131—158.

⁸ C. Kramer. An archaeological view of a contemporary Kurdish village: Domestic architecture, household size and wealth. — «Ethnoarchaeology», N. Y., 1979, p. 139—163.

⁹ Кстати, после знакомства с данными из Шахабада П. Дж. Уотсон высказала соображение о том, что население Хасанабада лишь недавно стало оседлоземледельческим. См. P. J. Watson. The idea of ethnoarchaeology: notes and comments. — «Ethnoarchaeology», p. 279, 280.

роль здесь играет и тот факт, что эта связь обуславливается первобытной системой ценностей, ибо система ценностей, несомненно, также существенно влияет на характер связи между поведением и его материальным выражением. Следовательно, и здесь важно строго придерживаться принципа историзма.

Данные, приводимые П. Дж. Уотсон, в совокупности с некоторыми другими материалами позволяют прийти к весьма интересным выводам относительно особенностей первобытного хозяйства, хотя сама исследовательница, к сожалению, этой возможностью воспользовалась далеко не полно. Об этом говорит хотя бы следующий пример. По данным П. Дж. Уотсон, видно, что в поселке Ширдашт на одно домохозяйство приходилось примерно 52 головы мелкого рогатого скота, или по 11 голов на 1 человека (с. 253, табл. 9, 2). Это позволяло жителям заниматься яйлажным скотоводством, служившим основой местного хозяйства. К земледелию они перешли недавно, и оно большой роли не играло. Напротив, в поселке Хасанабад, где земледелие давало основные жизненные средства, на одно домохозяйство приходилась 21 голова мелкого рогатого скота, или 4—5 голов на 1 человека (с. 94—96, табл. 4.1). Сравнивая эти сведения с данными об оленеводстве, можно заметить, что последнее становилось основой хозяйства лишь в том случае, если у отдельных домохозяйств (5—6 человек) стада насчитывали не менее 70—100 оленей. Почему кочевая жизнь здесь требовала большего количества скота? Очевидно, в значительной мере из-за иного способа использования оленей и получения от них продукции. Действительно, большинству оленеводческих народов доение было неизвестно, и пищу получали главным образом, убивая животных на мясо. Не было здесь и такого продукта, как шерсть, которая после стрижки могла бы отрастать снова. Иная картина наблюдалась у яйлажных скотоводов, способных использовать продукты скотоводства, не причиняя ущерба животным. Этому способствовало, во-первых, развитие молочного хозяйства, а во-вторых, шерстоткачество. Следовательно, возникновение молочно-шерстяного направления сделало скотоводство значительно более продуктивным, а занятие им значительно более эффективным, чем прежде. До его возникновения скотоводы-полукочевники вряд ли могли бы довольствоваться стадами в 52 животных на семью из 4—5 человек; размер этих стад должен был быть по крайней мере в 2 раза большим¹⁰. В этом случае требовались бы гораздо более крупные загоны и стойла для скота, и на базовых поселениях площадь отдельных домохозяйств была бы весьма значительной.

На самом деле, как показывают приводимые П. Дж. Уотсон данные, площадь домохозяйств в неолитических поселках Передней Азии была меньше, чем в изученных ею современных поселках (с. 297). Самой исследовательнице не удалось четко объяснить эти различия. Однако мы легко поймем их, если будем исходить из более низкого уровня развития скотоводства в неолите. Домашних животных тогда было немного, и их выпас не требовал перехода к яйлажному скотоводству. Некоторые специалисты указывают на факт значительного преобладания костей домашних животных над костями диких на некоторых археологических памятниках и делают из этого вывод о высокой степени развития скотоводства в неолите. Однако этот факт с таким же основанием можно объяснить и упадком охоты, сопутствовавшим переходу к земледелию. Такова одна из линий доказательств отсутствия яйлажного скотоводства в раннеземледельческий период, вопреки прямо противоположному мнению, высказываемому П. Дж. Уотсон (с. 246, 247) и горячо отстаиваемому ее коллегой Ф. Хоулом¹¹.

Некритически повторяя распространенную в западной науке идею о domestикации дикого быка по религиозным мотивам (с. 76, 111), П. Дж. Уотсон отходит от отстаиваемых ею же принципов этноархеологического анализа, ибо эта гипотеза, как и всякая другая, требовала бы тщательной проверки, в том числе и с помощью этноархеологических данных. Такая проверка могла бы показать, что связывать domestикацию животных с требованиями религиозного культа нет никаких оснований и что само развитие культа претерпело определенные изменения при переходе к производящему хозяйству¹².

Монография П. Дж. Уотсон, безусловно, представляет большой интерес как один из первых опытов этноархеологического исследования, отражающий как его сильные, так и слабые стороны. Отмеченные выше недостатки были, по-видимому, связаны, во-первых, с малой разработанностью методики этноархеологических исследований и теории их обоснования в период полевых исследований автора, а во-вторых, со сложными условиями, в которых проходила ее полевая работа. В 60—70-е годы этноархеология сделала большие успехи, и сейчас она является одним из перспективных новых направлений в науке. Определенная роль в этом принадлежит и П. Дж. Уотсон.

В. А. Шнирельман

¹⁰ Здесь указывается минимальный размер стада. Если, что весьма вероятно, древние семьи были крупнее, то и животных им было необходимо гораздо больше. Кроме того, следует иметь в виду, что при убое оленя получалось больше мяса, чем при убое овцы.

¹¹ F. Hole. Rediscovering the past in the present: Ethnoarchaeology in Luristan, Iran.—«Ethnoarchaeology», N. Y., 1979, p. 192—218. О другой линии доказательств см. В. А. Шнирельман. Происхождение скотоводства. М., 1980.

¹² В. А. Шнирельман. Доместикация животных и религия.—«Исследования по общей этнографии». М., 1979.